

Линь Яньхун обнял его и с улыбкой произнес:

— Эта история говорит о том, что некоторые люди используют чужое влияние, чтобы угнетать других, и это, конечно, плохо. Но если у нас есть могущественный покровитель, даже если мы сами не будем использовать его силу, другие все равно будут нас бояться. Главное, чтобы мы не использовали эту силу для причинения вреда или угнетения других, а чтобы плохие люди боялись нас. Иногда использовать чужую силу — не так уж и плохо.

Линь Яньхун сам находился в сложной ситуации, и по сравнению с ним малыш был рожден в еще более сложной королевской семье. Если учить его только добру и самоконтролю, то, вероятно, из него вырастет лишь оторванный от реальности благородный человек.

Но благородный человек не всегда подходит для выживания в мире, полном интриг.

Сутры наставника Уцзюэ учили его добру и самосовершенствованию, а Линь Яньхун рассказывал ему практические вещи, которые могли бы помочь ему в будущем.

Это то, что родители волчонка должны были бы ему объяснить, но теперь это сделал Линь Яньхун, его «старший брат», и это было не поздно.

На следующее утро Линь Яньхун проснулся раньше обычного, и, открыв глаза, он увидел, что в его объятиях уже не пушистый волчонок, а спящий красивый юноша.

Ли Цзинчэн лежал на внутренней стороне кровати, его длинные ресницы и высокий нос отбрасывали тени на лицо, и он выглядел спокойным и безмятежным, без следа тревог.

Линь Яньхун был не намного выше, чем Ли Цзинчэн в человеческой форме, и даже не так крепок, но в этот момент он обнимал его, как бы защищая.

Ранее он колебался, откладывая разговор... Но сегодня он должен попрощаться с этим малышом... Как же это сказать?

Линь Яньхун с беспокойством вздохнул, почти не издавая звука, но это все равно разбудило Ли Цзинчэна.

— Ау... Хун...

Только что проснувшись, голова была еще в тумане, и Ли Цзинчэн протянул руку, как будто хотел прикоснуться к лицу Линь Яньхуна.

Как иногда, просыпаясь в волчьей форме, он протягивал лапку, чтобы коснуться его лица.

Хотя оба были мальчиками и не было особых запретов, Линь Яньхун считал себя старшим братом и не мог позволить младшему трогать его лицо, поэтому он быстро сел и легонько похлопал его по плечу:

— Ваше Высочество должны воспользоваться временем и встать на практику каллиграфии.

Теперь, когда Ли Цзинчэн все чаще принимал человеческую форму, это становилось все более стабильным, что радовало и наставника Уцзюэ, и Линь Яньхуна, так как это было признаком роста Возвращения Души Предка.

Но чтобы обеспечить безопасность наследника князя Юй, когда он находился в человеческой форме, наставник Уцзюэ не разрешал ему много есть, чтобы он не почувствовал дискомфорта,

если вдруг снова превратится в волка.

Монахи храма после утренней службы принимали скромную трапезу, но для большинства мирян в монастыре это было слишком рано, поэтому завтрак для мирян и монахов проходил в разное время.

Линь Яньхун также получал свою коробку с едой, которая, хотя и не была обильной, но была достаточной, чтобы насытиться. Он, как обычно, ел лепешки, макая их в рисовую кашу, а Ли Цзинчэн сидел рядом, не отрывая от него взгляда.

Буддийские монахи не ели пять острых овощей, таких как чеснок, лук, зеленый лук, лук-порей и асафетида, но могли есть перец, и, учитывая влажный климат округа Юньшуй, им также нужно было употреблять немного перца, чтобы избавиться от сырости. Поэтому в храме Хуайинь для мирян часто подавали острый соус.

Особый острый соус храма Хуайинь также содержал нарезанные кубиками грибы, что делало его вкусным для тех, кто привык к мясной пище.

Линь Яньхун очень любил этот соус, и каждый раз, когда он его ел, его глаза наполнялись слезами, а губы становились красными и горячими, но он все равно доедал весь соус с кашей.

Раньше в это время Ли Цзинчэн обычно уже превращался в волка и ел молочную кашу, поэтому Линь Яньхун не думал давать ему попробовать перец.

Теперь, увидев, как Ли Цзинчэн не отрывает взгляда от его губ, он подумал, что можно дать ему немного попробовать, и взял палочками немного соуса, поднеся к нему.

Ли Цзинчэн сначала удивился, затем посмотрел, понюхал и, наконец, не удержался, открыл рот и взял палочку в рот.

— Вкусно? Остро? — Линь Яньхун увидел, как он держит палочку во рту, выглядел забавно, и улыбнулся. — Если нравится, дам еще немного, но только чуть-чуть, иначе наставник будет ругать.

Ли Цзинчэн почувствовал, что его язык, коснувшийся палочки, начал «гореть», а затем все лицо стало горячим.

Линь Яньхун испугался, быстро потрогал его покрасневшее лицо, попросил отпустить палочку и подошел ближе, чтобы проверить его язык.

Ли Цзинчэн, казалось, смутился и опустил голову, но все же послушно высунул кончик языка.

Линь Яньхун долго смотрел, но не нашел ничего необычного, и, когда краснота на лице стала спадать, он вздохнул с облегчением:

— Наверное, это первый раз, и ты не привык, больше не буду давать...

Он не успел закончить фразу «больше не буду давать тебе пробовать», как остановился.

Больше... Разве будет «больше»? Ведь сегодня они расстаются, не так ли?

Когда волчонок вернулся, Линь Яньхун взял его на руки и накормил молочной кашей и овощами.

Обычно он ел сам, но сегодня Линь Яньхун, видя малыша, смягчился и впервые сам покормил его, что обрадовало малыша, и он съел даже больше обычного.

— Ау-у ау-у, — он протянул лапку, поставил ее на край пустой миски и засунул туда голову, как бы проверяя, действительно ли там больше ничего нет.

— Ваше Высочество, молодец, все съел, — Линь Яньхун вытер ему рот и лапки салфеткой, его голос был нежным и ласковым, очень приятным на слух.

Малыш, услышав это, стал еще более послушным, и, когда Линь Яньхун вытер одну лапку, он сам протянул другую.

Затем Линь Яньхун, как обычно, повторил с ним историю, которую рассказывал несколько дней назад, чтобы он лучше запомнил.

После полудня, проведя с малышом последний послеобеденный отдых, Линь Яньхун с сожалением положил его на кровать и серьезно объяснил:

— Ваше Высочество, я должен сопровождать слуг и вернуться в город Юньян для поминовения предков, и, боюсь, долгое время не увижу Вас.

Волчонок знал, что такое «поминовение предков», и знал, что Линь Яньхун из города Юньян, но он не мог принять последнюю часть его слов.

— Ау-у ау-у, — малыш покачал головой, ясно выражая свое несогласие.

Линь Яньхун с сожалением сказал:

— Говорят, что на границе одержана большая победа, и князь Юй в ближайшее время вернется в пределы государства. Тогда он обязательно заберет Ваше Высочество в округ Пинъю... И тогда Вы тоже меня не увидите.

Возвращение в княжеский дворец и воссоединение с отцом и матерью, для маленького наследника, конечно, было более значимым, чем общение с человеком, которого он только недавно узнал.

Линь Яньхун еще не знал, что он постепенно стал для Ли Цзинчэна объектом стремления и даже навязчивой идеи, он думал, что боль разлуки для ребенка должна быть легко забыта.

Возвращение в Пинъю к отцу и матери было для волчонка самым радостным событием, но он также не хотел расставаться с этим человеком, поэтому он протянул лапку и схватил его рукав и руку.

Линь Яньхун, увидев это, ласково погладил его по голове и спине, чувствуя боль в сердце.

— Когда Ваше Высочество подрастет, возможно, у нас еще будет шанс встретиться. Я, хотя и не буду рядом, но буду часто думать о Вас... Если Вы тоже вспомните обо мне, напишите мне... Вы теперь умеете писать много иероглифов, не так ли?

Волчонок уже научился понимать выражение лица и взгляд Линь Яньхуна.

Он видел его нежность и печаль, но также видел непоколебимую решимость, и его маленькое сердце сжималось от боли, все еще не принимая эту реальность.

Линь Яньхун достал из кармана маленький мешочек, на котором Хупо, жившая в городе Юньси у подножия горы, вышила маленького серебряного волка.

Спасибо Мэнмэн Чжу Ю за поддержку! (*J 3 4)

<http://bllate.org/book/17693/1651332>